

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В "МИРЕ ПАУКОВ" КОЛИНА УИЛСОНА: ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РОМАНА-ЭПОПЕИ

THE DESTINY OF MAN IN "SPIDER WORLD" BY COLIN WILSON: THE FUTUROLOGICAL PROJECT OF THE EPIC NOVEL

A. Islamova

Annotation

The article looks upon the picture of the world and man in it created by C. Wilson from a conventional position of postmodernity and represented in the first book of his epic novel "Spider World". The insights into the epic perspective of the futurological project puts forward the problem of human destiny on the scale of the total society. The study of the narrative and philosophical discourse within the perspective leads to the conclusion that the author's solution to the problem is grounded on the principle of the evolutionary process and moral purpose of human existence.

Keywords: the epic novel "Spider World", futurological project, epical perspective, the philosophy of global problems.

Исламова Алла Каримовна

К. филол. н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В статье рассматривается картина мира, созданная К. Уилсоном с условных позиций пост-современности в первой книге эпопеи "Мир пауков". Освещение эпической перспективы futuroлогического проекта выдвигает на передний план проблему человеческой судьбы в масштабах тотального социума. Прояснение порядка художественно-философского дискурса в пределах перспективы ведет к заключению о том, что данная проблема решается автором на основе принципов эволюционного процесса и этической целостности человеческого бытия.

Ключевые слова:

Роман-эпопея "Мир пауков", futuroлогический проект, эпическая перспектива, философия глобальных проблем.

Колин Уилсон – один из самых видных мастеров романного жанра, выдвинувшихся в Великобритании во второй половине двадцатого века. Первые романы и эссе Уилсона вышли в свет в 1950-е годы и ярко выразили знаки эпохи перемен, когда извечный вопрос литературы о судьбе человека в мире предстал перед писателями как проблема выживания всего человечества в условиях атомной угрозы, раскола и противостояния народов, дегуманизации социальной среды. С тех пор тема катастрофического развития цивилизации стала ведущим направлением литературного творчества и научных изысканий Уилсона в различных сферах социально-гуманитарных наук. В данном отношении роман-эпопея "Мир пауков" представляет собой авторскую книгу итогов, где художественное воплощение универсальных конфликтов сопровождается их глубоким философским осмыслением.

"Мир пауков" включает четыре книги: "Башня" (1987), "Дельта" (1987), "Маг" (1992), "Земля теней" (2003). Все части тетралогии составляют консолидированную жанровую форму для воплощения единой картины мира, где на передний план репрезентаций выдвигается образ эпического героя под знаком вопроса о его судьбе. Принцип художественного единства закладывается в архитектонику вместе с установкой на развертывание пути

героя в пространстве глобального социума, открытом для изображения актуальной действительности в связи с историческим прошлым и с точки зрения отдаленного будущего.

Идеологическое основание авторского проекта составляют фундаментальные положения философии глобальных проблем, ориентированные на преодоление негативных факторов развития цивилизации.*

* О стратегических направлениях философии глобальных проблем см. [Шнейдер, с. 7-25].

Независимо от различий во взглядах и позициях, ученые сходятся во мнении о том, что глубинным истоком угрозы является деградация среды человеческого обитания. В частности, отечественный исследователь С.А. Нижников пишет в этой связи, что "общество и природа нерасторжимы" и что "проблема заключается лишь в гуманном отношении человека к самому себе (своему телу) и к природе как своему телесному продолжению" [Нижников, с. 361]. В романе Уилсона стратегия глобализации эпического мира направляется на решение вопроса, аналогичного данной проблеме и заключающегося в радикальном расхождении прогрессистских целей общества и естественных законов эволюции всего существа на земле: "Все, что необходимо человеческому роду

для вхождения в совершенно новую стадию эволюции – это сущностное сознание того, что он, выражаясь образным языком, представляет собой единый организм" [Wilson, 1969, p. 236]. В "Мире пауков" Уилсон доказывает правомерность данного тезиса, излагая свои доводы в прогностическом описании будущих состояний человеческого сообщества в случае отсутствия положительных перемен.

Футурологический проект картины мира и человека в нем представлен в романе "Башня" – первой книге тетралогии, где автор обозначает концептуальные диспозиции бытийного содержания и жанровой организации создаваемого эпического полотна. Концептуальный план-проспект находит адекватную форму выражения в жанре философской фантастики, допускающем репрезентацию вероятных ситуаций как несомненных и реальных в границах научной достоверности и художественной условности. Анализируя законы фантазийных жанров, российский литературовед Е.Н.Ковтун усматривает их истоки в глубокой древности, когда мифологический вымысел определял законы построения форм в словесном творчестве: "Изучение этих законов невозможно без учета происхождения вымысла, который, подобно искусству в целом, уходит корнями в первобытную мифологию, сохраняя, нередко, более отчетливо, чем вся остальная литература, связь с мифологическими принципами осмысления и отображения человеческого бытия" [Ковтун, с. 33]. Приведенное суждение вполне применимо к определению исходных предпосылок и конструктивных принципов романа "Башня", представленного К.Уилсоном в качестве модельного проекта "Мира пауков". В данном случае прямая зависимость архитектоники жанра от способов первичного освоения действительности сказывается в том, что формульные структуры научно-фантастического дискурса совмещаются с архаическими образцами жизнеописаний, повествующих о деяниях подвижников в их борьбе со злом в целях личного и всеобщего блага.

В фантастической эпопее Уилсона мир подает себя герою, являя жизненную реальность в событиях текущего времени и обстоятельствах окружающей среды. В итоге сюжетная линия стези познания и испытаний выступает в качестве матрицы структурных компонентов, которые задают пространственные и временные параметры эпической перспективы для изображения индивидуальной судьбы как неотъемлемой части общественного опыта. Исследуя аналогичные взаимоотношения композиционных составляющих в жанре романа, М.М.Бахтин замечает, что время и пространство художественного мира являются вторичными функциями от "хронотопа" пути, где "время сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение сюжета, истории" [Бахтин, с. 235]. Данное замечание дает ключ доступа в эпический мир Уилсона со стороны стези протагониста, которая ведет к

раскрытию запечатленного в этом мире порядка вещей в их жизненном значении для человека. Рассказу о дороге жизни эпического героя предшествует вводное изложение его истории в романе "Башня". Оно разворачивается в первой части книги под заголовком "Пустыня" и включает в себя экспозиционную сцену, сюжетную цепь драматических событий и кризисную ситуацию, которая возникает в результате выявления драматической коллизии и ставит ведущего героя по имени Найл перед проблемой определяющего выбора.

В изображении автора и восприятии героя окружающая среда представляет собой бесплодную пустыню, где безраздельно господствуют гигантские пауки и безропотно страдают поработанные ими люди. Задаваясь вопросами о причинах несправедного миропорядка, юный Найл постепенно приходит к знанию о том, что зло и страдания людского рода имеют как внешние, так и внутренние истоки. Идея имманентного происхождения зла в человеческом сообществе впервые коснулась его сознания вместе с мудростью народных легенд, хранящих в себе память многих поколений. Дед поведал внуку о том, что люди были преданы беспощадной тирании пауков после Великой Измены, когда верховный правитель общины выдал врагам тайны человеческого разума и души из своекорыстных побуждений: "Оказывается, между людьми и пауками шла долгая и жестокая борьба, и пауки одержали в ней верх лишь потому, что научились понимать человеческие мысли" [Уилсон, с. 100]. Позднее собственное обследование старой, но все еще величественной крепости убедило Найла в былом могуществе предков и вызвало смутные догадки о его утрате не только из-за низкого предательства, но вследствие неведомого планетарного катаклизма: "Впервые до Найла со всей полнотой дошло, что все же действительно было время, когда человек правил Землей" [Уилсон, с. 128]. Догадка перерастала в уверенность по мере того, как пылкий юноша находил следы еще более высокой цивилизации, потерянной вместе с разрушенными основами научных знаний и духовной культуры. Знаменательные открытия подводили героя к мысли о том, что пауки-смертоносцы стали новыми хозяевами планеты вследствие мощного скачка в своем развитии, проявив исключительные способности природной адаптации и ментальной эволюции после всемирной катастрофы: "Одновременно мальчик понял и то, как паукам-смертоносцам удается помыкать прочими существами: одним лишь умственным усилием-импульсом" [Уилсон, 106].

Намечая линию человеческой судьбы с условных позиций пост-современности, автор направляет целевые ориентиры своего футурологического проекта на выявление глобальных угроз и изыскание способов их устранения. Данные стратегические установки внедряются в архитектуру романа "Башня" в процессе построения открытой эпической перспективы, включающей в изо-

бражение мира упадка и насилия его возможность стать миром гуманистического правопорядка и свободы воли. Потенциальные предпосылки такого перехода демонстрируются на арене столкновений между узколобыми служителями тоталитарного режима и инакомыслящими людьми, чей разум отказывался принимать навязанные ему догмы господства и подчинения: "Смертоносцы, скажем, покорили человечество оттого, что познали людские умы. Получается, что и человек, познав сущность паучьего разума, сможет одержать когда-нибудь верх над смертоносцами" [Уилсон, с. 103]. Протест человека социального против идеологического принуждения и социального гнета порождает острую коллизию, которая вовлекает в себя все большее число участников и переходит в общественный конфликт.

Неизбежность антагонистического конфликта удостоверяется драматическим ходом событий в пустынной резервации, где Найл и его семья надеялись спастись от преследований поработителей. Однако обитателям пустыни пришлось убедиться в том, что в мире пауков нет безопасных пристанищ, поскольку власть имперского центра простиралась над всеми территориями. Найл ощутил железные оковы этой власти, когда его родных постигла жестокая кара из-за совершенного им проступка: отец был изувечен и убит, а мать и младшие дети обращены в рабство. Потеряв семью и кров, герой оказался в положении одинокого странника на перекрестке жизненных путей. Один из них вел в подземный город Диру, где поселились люди, окончательно отказавшиеся от борьбы с пауками за место под солнцем. Подполья Диры обещали Найлу лишь рутинное существование в замкнутом пространстве мрака и застоя: "Привычка – тяжелое теплое одеяло, грозящее удушьем. Убаюкивает ум, нагнетая неизбывное чувство смутного недовольства. Сдаться во власть привычки – значит застыть на месте, утратить способность к изменению, развитию" [Уилсон, с. 170]. Противоположное направление было отмечено историческими вехами крепости на плато, Белой башни в столичном городе и другими знаками великой цивилизации, которые указывали на "мир, исполненный и опасности, и захватывающих возможностей" [Уилсон, 170]. Третий путь вводил человека и от заманчивых возможностей, и от смертельных опасностей в яремное рабство к паукам, ибо "люди, дерзнувшие бросить смертоносцам вызов, погибали страшной смертью" [Уилсон, с. 83].

Очевидно, былинный фабульный эпизод остановки на перепутье включает аллюзию на экзистенциальную ситуацию определяющего выбора, от которого зависит будущая жизнь человека. По версии французского социолога Ж.Семлена свободный выбор индивида в подобной ситуации равнозначен личному решению конфликта между подчинением и сопротивлением насилию: "Перед лицом угнетения индивид выбирает один из трех путей: или он полностью принимает сторону угнетателей, проявляя го-

товность к сотрудничеству; или, не желая окончательного выбора, он приспосабливается к системе, замыкается в спасительных ценностях и чувствует себя в псевдобезопасности; или, наконец, он избирает путь сопротивления угнетателю, уверенный, что это полностью изменит весь образ своей жизни" [Семлен, с. 76–77]. В истолковании Уилсона идея свободного выбора в мире насилия сама по себе содержит конфликтное противоречие, и потому ее практическое осуществление требует выполнения трудных условий. Как следует из второй части романа "Башня", одноименной с названием всей книги, герою не удалось обойти превратностей судьбы. Они создали зоны непроходимости на всех направлениях, кроме того, что ограничивало свободу субъективной воли, но вело человека к осознанному выбору перед лицом объективной реальности. Покорившись неодолимой силе обстоятельств, Найл оказался первоначально на том единственном пути, который был предначертан всем людям в бесчеловечном мире. Так он изведал парализующий страх в когтистых лапах смертоносца, а затем и злосчастную долю узника, когда захватчик доставил его в Столицу – город-чудовище с бастионами зубчатых стен под сплетенными сетями паутины: "Город смотрелся гораздо более достоверно и устрашающе, чем в воображении Найла; нечистого цвета башни чем-то напоминали изъеденные кариесом зубы череп. Не будь даже этих огромных раскидистых тенет, он все равно бы смотрелся отталкивающе и зловеще" [Уилсон, с. 258]. Здесь, в цитадели тоталитаризма, бесправный пленник научился хранить смиренное молчание и безропотно влечь крепостные узы под страхом смерти: "Найл своей неподвижностью дал понять, что не пытается сопротивляться" [Уилсон, с. 221]. Однако возмущенный разум соглашался делать уступки инстинкту самосохранения только до той поры, пока приобретенное знание не подскажет достойный выход из унижительного положения.

Сознание свободы как непреложного условия человеческого бытия смещает стезю опыта протагониста из эмпирической сферы примитивного выживания в область совместного существования участников социума, где парадигме гуманистических ценностей противостоит политическая модель авторитарного государства. Поскольку мотивирующая сила этого сдвига исходит из стремления к независимости, то каждый последующий этап сюжетного движения представляет степень практического осуществления свободы в той мере, в какой она оказалась доступна герою на достигнутой им ступени опыта и знания. Рассматривая типологические свойства сюжетных структур, Ю.М.Лотман связывает общий принцип их формирования с мысленным упорядочиванием реальных объектов в разуме субъекта, обладающего способностью свободного целеполагания: "Чем более поведение человека приобретает черт свободы по отношению к автоматизму генетических программ, тем важнее ему строить сюжеты событий и поведений" [Лотман, с. 242]. В

проекте эпопеи К.Уилсона субъектные и сюжетные линии повествования сходятся в перспективном плане действий, где система логики действующего лица согласуется с объективным порядком вещей и с реальными возможностями его изменения. Поскольку существующий порядок был отвергнут героем как антигуманный и несправедливый, то исполнение плана начинается с актов сознания, направленных на изучение возможностей перемен.

Используя редкостный дар интуиции и развивая способности интеллекта, Найл все глубже проникает в мысли окружающих людей и все более убеждается в том, что угнетенные рабы смиренно принимают свою участь, а верноподданные прислужники угнетателей не уступают хищным насекомым в жестокой нетерпимости к подневольным собратьям: "Трудно поверить: получалось, что перед ним, по сути, паук в человеческом облики" [Уилсон, с. 315]. Обескураживающие результаты опыта нарушили иллюзорные представления о нерушимых узах родового единства, но заметно продвинули юношу в познании реальности. Теперь давняя догадка о внутренних истоках зла в человеческом сообществе укоренилась в его уме вместе с ясным пониманием того, что причиной разрушения великой цивилизации явился глубокий порок ее фундамента – дефицит гуманности в отношениях между людьми. Исследуя происхождение антигуманных тенденций в сферах индивидуального и социального бытия, русский философ Н.А.Бердяев усматривал их начало в экзистенциальном отчуждении личности от духовно-культурных ценностей общезначимого характера: "Зло есть, прежде всего, потеря целостности, отрыв от духовного центра и образование автономных частей, которые начинают вести самостоятельное существование" [Бердяев, с.302]. Очевидно, повествовательный дискурс романа К.Уилсона сближается с экзистенциальной диалектикой Н.А.Бердяева по логике смысла, которая в обоих случаях влечет за собой постановку вопроса о преодолении распада связей между участниками социума.*

* Об отношении К.Уилсона к учению Н.А.Бердяева см. [Wilson, 1956, p. 162-165].

При определении приоритетных подходов к двойственному вопросу о расколе человеческого сообщества и восстановлении его целостности Уилсон придает первостепенное значение гносеологическим аспектам проблемы и ставит ее решение в зависимость от развития общественного и индивидуального сознания. Шведский исследователь Г.Бергстрём писал в этой связи, что ответ К.Уилсона "сопряжен с пронизательностью человеческого видения, со способностью углублять и расширять сознание и постигать реальность во всей ее полноте" [Bergstrom, p.121]. Разрабатывая актуальную тему в границах литературы, писатель совмещает когнитивные установки философского исследования с морально-дидактическими ориентирами писательского творчества:

как замечает американский критик Дж.Уэйгел, произведения К.Уилсона "оказываются, по обыкновению, строго дидактичными" [Weigel, p.82]. Герой и исполнитель авторского проекта в романе "Башня" выступает в качестве активного проводника обеих линий, так как он идет по пути поисков истины и нравственных испытаний для того, чтобы достичь собственной цели – осуществления права на свободное самоопределение в предлежащем мире. Он достигает этой цели именно тогда, когда пройденный путь и приобретенный опыт позволили сделать личный выбор с полным сознанием моральной ответственности за него.

Ключевой эпизод определяющего действия обусловлен стечением чрезвычайных обстоятельств и подготовлен предшествующим ходом событий как кульминация конфликта между свободой воли и силой принуждения. Узнав об исключительной способности Найла внедряться в сознание других людей и существ, властители-смертоносцы потребовали от него служения своим интересам: "Им нужен кто-нибудь, кто держал бы в горсти всех людей в этом городе и кому можно доверять" [Уилсон, с. 344]. Согласие вступить в сговор обещало спокойную и обеспеченную жизнь при условии выдачи диссидентов на жестокую расправу. Отказ от пособничества означал смертную казнь, так как выражал неповиновение властям со стороны опаснейшего противника: "Овладей люди навыками внедряться и управлять мыслями, дни паучьего господства окажутся сочтены. Как какое-нибудь дрессированное насекомое, закабаленный разум – это замок, к которому подходят несколько ключей" [Уилсон, с. 317]. С образованием альтернативы недостойной жизни и героической гибели драматическая ситуация решающего выбора переходит в стадию экзистенциального предела, а сам акт выбора приобретает значение философской демонстрации, которая раскрывает подлинную сущность человека как средоточие закона этической всеобщности. Принимая последнее решение под надзором стражников-смертоносцев и их верного сатрапа Каззака, Найл следует моральному императиву своего гуманистического "Я", но ищет согласия с эмпирическим эго, жаждущим спасения любой ценой. Итогом борьбы двух личностных начал становится компромиссное действие. Неимоверным усилием ума и воли герой вырывается из окружения и находит защиту от преследователей в стенах Белой башни – хранилище высших ценностей цивилизации, которое с древних времен и до сих пор не открывало своих дверей ни для кого другого.

В третьей части романа, озаглавленной "Крепость", вопрос о судьбе человека в мире приобретает социальные и исторические измерения. Расширение онтологического пространства для исследования проблемы достигается по мере того, как локальная перспектива индивидуального существования дополняется обратными проекциями в прошлое, а в ее поле-горизонте возникает целостная картина современного общества.

Временная ретроспектива мира пауков включается в проект эпопеи на основе принципов историзма и методов "археологии знания", которые позволяют восстановить ход событий минувших эпох и сопутствующие им течения мысли. М.Фуко, инициатор археологии знания, подчеркивал, что ее стратегия направлена на репрезентацию разнообразных фактов в исторических парадигмах культурных форм: "Она не является ничем более и ничем иным, нежели перезапись, трансформацией по определенным правилам того, что уже было написано, в поддерживаемой форме внешнего. Это не возврат к самой тайне; это систематическое описание дискурса-объекта" [Фуко, с. 140]. В романе К.Уилсона, напротив, археологическая разработка многовековых культурных слоев трактуется как способ извлечения "тайны", или конституционного закона цивилизации из системного исследования разрозненных фактов и знаковых памятников мысли. Герой книги ведет свои "раскопки", когда оказывается в стенах Белой башни и совершает путешествия во времени при помощи хранящегося там устройства искусственного интеллекта. Главным итогом пути просвещения стало постижение эволюционного принципа как закона бытия вселенского мироздания и каждой из его частей. Следуя этому принципу при освоении исторического материала, Найл приходит к знанию о том, что мир пауков возник на Земле в результате гигантского эволюционного скачка насекомых и замедления развития людей после столкновения планеты с космическим астероидом. Последний урок Найла в башне закончился ультимативным посланием предшествующих поколений к ныне живущим: "Закон жизни гласит: выживает сильнейший. Если вам не по силам одолеть смертоносцев, значит, вы не достойны свободы, а пауки имеют право на то, чтобы и впредь властвовать над Землей" [Уилсон, с. 390]. Сознание этой истины и морального долга заставляют юношу покинуть Белую башню и возвратиться в мир пауков, чтобы преобразовать его в мир для людей.

Опасное положение преследуемого вольнодумца вынуждало Найла идти к своей цели окольными путями. Поиски неторных троп вовлекли героя в обширную сеть связей, которые удерживали каждого участника социума на строго определенной ступени общественной иерархии. Феодално-рабовладельческие узы господства и подчинения прочно охватывали всю систему отношений между паучьей аристократией с их придворными служителями и теми, кто подвизался на низшем уровне этой системы, включая рабов, крепостных слуг и отверженных, падших людей. Найл понимал, что не сможет найти опору на социальном дне, так как здесь обитали слишком подавленные и духовно сломленные существа: "Эти полулюди существовали по заведенному распорядку, и каждый расценивал себя просто частичкой толпы" [Уилсон, с. 429]. Однако целеустремленный взор искателя мгновенно отметил глубокий изъян в пирамиде власти: процесс расчленения третьего сословия уже давно ослабил давление

паучьих тенет на выделившиеся из него социальные группы – буржуазный класс жуков-бомбардиров и их наемных рабочих. Вдохновленный сделанным открытием, Найл пробивается сквозь опасности в город жуков, где и находит единомышленников и соратников по борьбе за независимость: "Здесь, в городе жуков, он чувствовал, что находится среди себе подобных; среди людей с такой же, как у него самого способностью активно мыслить и управлять своей жизнью" [Уилсон, с. 441].

С выходом героя на арену сплоченных действий с другими людьми вопрос о судьбе человека в мире приобретает социальную значимость, а его гуманистическое решение сущностный смысл. Совместно с лидером рабочего союза Доггинзом и его товарищами Найл организует выступления против ущемления их экономических прав, а затем – против государственной политики гнета и насилия по отношению ко всем трудящимся. Однако мирные акции протеста перерастают в вооруженное восстание, в котором гибнут и правые, и виноватые, а идеалы свободы попираются анархическим произволом и революционным террором. Кровавая битва между повстанцами и боевыми пауками могла бы закончиться взаимным истреблением, если бы возмущенный разум не возобладали над слепой яростью и не привел антагонистов к компромиссному договору. На судебном разбирательстве по делу о мятеже сторона обвинения предъявила иск о посягательстве бунтовщиков на основы мироустройства, предусмотренные свыше после того, как люди не оправдали своего высокого назначения на Земле: "Они не способны жить в мире. В конце концов, боги устали от них и сделали хозяевами нас. И с той поры Земля живет в мире" [Уилсон, с. 553]. Найл был призван к ответу за учиненные беспорядки, но спасен от высшей меры наказания жуками-бомбардирами, которые расценили нарушение двустороннего соглашения об амнистии как посягательство на их правовую автономию в составе паучьей империи: "То, что вы сейчас видели – акт умышленного коварства, да еще и явного пренебрежения к нам, к заведенным у нас порядкам" [Уилсон, с. 557].

В онтологическом плане авторского проекта, где эволюционный процесс принимается за исток всего сущего, отрицательный опыт героя удостоверяет исчерпанность мировоззрения, в рамках которого социальная реальность могла подвергаться революционному преобразованию. В данном отношении писательская позиция К.Уилсона соизмерима с экзистенциальной точкой зрения А.Камю на разрушительную силу "исторической" революции и созидательное действие "цивилизованного" духовного бунта: "Абсолютная революция предполагает абсолютную податливость человеческой природы, возможность низведения человека до простой исторической силы. А бунт – это протест человека против его превращения в вещь, против его низведения к истории" [Камю, с. 312]. Тем не менее, после обоюдного запрета на на-

сильственное исправление "дурной" реальности, авторы назначают своим персонажам разные судьбы. Бунтующий человек Камю обречен на безысходное существование в мире абсурда, тогда как эпический герой Уилсона призван доказать возможность положительного исхода методом от противного: если мир не подлежит переустройству по усмотрению разума, то разум должен быть приведен в согласие с законами мироустройства.

В романе "Башня" движение героя в заданном направлении обусловлено результатами пройденных этапов, когда объективная реальность была явлена ему в эмпирическом знании о непрерывном развитии всех существ и моральном универсуме их совместного существования. Внедряя принципы эволюционного процесса и этической целостности бытия в онтологическое основание проекта, писатель выстраивает над ним эпическую перспективу, достаточно широкую для того, чтобы прояснить проблему судьбы человека в мире в связи с вопросом об оправдании его существования на Земле. В гносеологических границах перспективы положительное решение проблемы поддерживается стратегической линией автора на философскую дискредитацию понятия о че-

ловеке как слепой силе истории, а также на продолжение литературной традиции, которая позволяла раскрыть значение человека в качестве целеполагающего субъекта исторических перемен.

Проследивая ведущие тенденции культурного развития во второй половине двадцатого века, английский ученый С.Коннор отмечает повышение социального статуса самоценной личности со ссылками на теорию "субъекта исторического сознания" в изложении М.Фуко и выражение "новых философских предпочтений" литературы в облике "индивидуального творческого субъекта" [Connor, p. 3–6]. Очевидно, роман-эпопея "Мир пауков" К.Уилсона представляет собой одно из свидетельств о смещении центра философских и эстетических систем от изолированного, "частичного" индивидуума периода модернизма в сторону целостного человека, ищущего воссоединения с миром. Концептуальные установки автора позволяют заключить, что его футурологический проект предусматривал не только образное выражение, но и гуманистическое обоснование новых приоритетов художественно-философской мысли в их отношении к глобальным проблемам человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе/ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого/ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 254–358.
3. Камю А. Бунтующий человек/ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство/ Пер. с фр. / Сост. А.М.Руткевича. – М.: Политиздат, 1990. – С. 119–356.
4. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 306 с.
5. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении/ Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х т. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – С. 224–242.
6. Нижников С.А. Глобальные проблемы современности/ Нижников С.А. Философия: Курс лекций. – М.: Экзамен, 2006. С. 356–381.
7. Семлен Ж. Выход из насилия/ Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности/ Пер. с англ. и фр./ Сост. Л.И.Василенко, В.Е.Ермолаева. – М.: Прогресс, 1990. С. 76–85.
8. Уилсон К. Мир пауков. Кн. 1: Башня / Пер. с англ. А.Шабрина. – М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2010. – 560 с.
9. Фуко М. Археология знания/ Пер. с фр. С.Митина/ Общ. ред. Бр.Левченко. – Киев: Ника-центр, –1996. 208 с.
10. Шнейдер Ю.А. Утопия или устройство/ Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности/ Пер. с англ. и фр./ Сост. Л.И.Василенко, В.Е.Ермолаева. – М.: Прогресс, 1990. – С. 7–25.
11. Bergstrom G. An Odyssey to Freedom: Four themes in Colin Wilson's novels/ Acta Universitatis Upsalientis. 47. – Uppsala, Stockholm: University of Uppsala, 1983. – 160 p.
12. Connor S. The English Novel in History, 1950–1995. – London and New York: Routledge, 1996. – 260 p.
13. Weigel J.A. Colin Wilson. – Boston: Twayne Publishers, 1975. – 157 p.
14. Wilson C. The Outsider. – London: Victor Gollancz, 1956. – 302 p.
15. Wilson C. The Philosopher's Stone. – London: Baker, 1969. – 315 p.